

сти» включает в себя 7 статей, в наименовании и содержании которых преобладают понятия «компьютер», «компьютерная» (информация, система и т.п.) [3, ст. 34–355].

Немногие международно-правовые акты, в которых содержится понятие «киберпреступность», содержательно его не раскрывают.

Анализ международного законодательства и криминологической литературы, посвященной рассматриваемой проблематике, дает основание сделать вывод о том, что понятия «киберпреступность» и «компьютерная преступность», все же, содержательно отличаются. Термин «киберпреступность» более широко и точно отражает всю совокупность преступлений в области информационной безопасности, многие из которых не связаны непосредственно с компьютерной техникой.

В Оксфордском словаре, например, приставка «cyber» определяется как составная часть слов, «связанных с электронными коммуникационными сетями, особенно с интернетом» [4].

Первый международный договор, касающийся преступлений, «совершаемых через Интернет и другие компьютерные сети», – Конвенция Совета Европы 2001 года (Budapest, 23/11/2001, ETS No.185), именуется «Convention on Cybercrime» [5]. Интересно при этом, что в русском неофициальном переводе на том же сайте Совета Европы этот документ именуется Конвенцией «О компьютерных преступлениях» [6], что очевидно неточно.

Конвенция 2001 года (с дополнительным протоколом) подразделяет все киберпреступления на 5 групп: – преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем («компьютерные преступления»);

– преступления, связанные с использованием компьютерных средств (подлог, мошенничество);

– преступления, связанные с контентом (содержанием данных) – детская порнография и т.п.);

– преступления, связанные с нарушением авторского права и смежных прав;

– преступления, посягающие на общественную безопасность (кибертерроризм, акты расизма и ксенофобии) [5].

В некоторых международных актах применяется метод установления обязанности государств – участников устанавливать в национальном законодательстве в качестве уголовно-наказуемых совокупность деяний, без определения содержания объединяющей их общей дефиниции. Так, например, в Конвенции ООН против коррупции 2003 года не дается определения коррупции, а перечисляется открытый перечень деяний, подлежащих уголовному наказанию [7].

Заключение. В силу неоднозначности трактовки понятия «киберпреступность» как правового и криминологического термина, можно предложить подход, аналогичный примененному в Конвенции против коррупции, рассматривая термин киберпреступность в качестве обобщающей дефиниции, означающей совокупность деяний, направленных против информационной безопасности, определенных, в частности, в вышеназванной Конвенции Совета Европы.

Существует, также, очевидная необходимость в разработке в рамках ООН современной Конвенции по противодействию киберпреступности, с закреплением в ней необходимых правовых понятий, связанных с киберпреступностью.

1. Салвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/salvador_declaration.shtml– Дата доступа: 22.02.2020.

2. Потери организаций от киберпреступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tadviser.ru/index.php/>.- Дата доступа: 22.02.2020.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь 9 июля 1999 г. № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2020.

4. Definition of cyber [Электронный ресурс].- Режим доступа // <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cyber>.- Дата доступа: 22.02.2020.

5. Convention on Cybercrime [Электронный ресурс].- Режим доступа // <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185>. – Дата доступа: 22.02.2020.

6. Конвенция о компьютерных преступлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680081580>. – Дата доступа: 22.02.2020.

7. Конвенция Организации Объединенных наций «Против коррупции» 31.10.2003 №58/4 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2020.

РОЛЬ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ

Тишурова А.В.,

магистрант ВФ ФПБ «МИТСО», г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Бочков А.А., канд. филос. наук, доцент

В настоящее время медиация является альтернативой не только государственному, но и арбитражному (третейскому) судопроизводству и представляет собой совершенно новый способ посредничества, специально разработанный для урегулирования конфликтов.

Для точного понимания юридической природы медиации, необходимо выяснить понятие и характерные признаки данного института.

Цель – всестороннее изучение роли возможностей медиации в урегулировании споров.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужили международные акты, а также акты национального законодательства, регулирующие вопросы применения медиации. Методами исследования являются сравнительно-правовой, диалектический, системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Согласно Закону Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», медиация понимается, как переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) между сторонами путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения [4].

Медиация – это инновационная интеллектуальная технология, включающая комплекс приемов, методов и процедуры организации и ведения переговоров под руководством третьего лица. Медиатор – физическое лицо, участвующее в переговорах сторон в качестве незаинтересованного лица в целях содействия им в урегулировании спора (споров).

Внешне процесс проведения медиации выглядит довольно не сложно, он предусматривает наличие таких этапов, как:

1. вступительное слово медиатора (при котором, объясняется сущность процедуры медиации, функций медиатора и роли сторон);
2. описание сложившегося конфликта между сторонами;
3. выявление спорных моментов и их обсуждение, определение проблемы, уточнение интересов участников (что конкретно хотели бы стороны получить в результате);
3. поиск возможного решения проблемы;
4. выработка и утверждение взаимовыгодного решения;
5. фиксация достигнутого медиативного соглашения [1, с. 19].

С содержательной стороны процесс медиации включает в себя достаточно сложную, сосредоточенную интеллектуальную работу медиатора по организации и восстановлению общения между конфликтующими сторонами.

Существует целый ряд конкурентных преимуществ медиации по сравнению с классическим судопроизводством, в качестве таких обычно называют ее основные принципы:

1. добровольность – начало процесса медиации, заключение медиативного соглашения и его исполнение возможны сугубо на основе взаимного волеизъявления заинтересованных сторон спора;
2. конфиденциальность;
3. нейтральность медиатора;
4. профессионализм медиатора;
5. равноправие сторон;
6. самостоятельность сторон;
7. сотрудничество сторон [2, с. 31].

Медиация, как один из видов альтернативных способов разрешения споров, позволяет разрешать возникшие споры, избегая классическое судебное разбирательство и связанные с ним процессуальные, эмоциональные, временные и финансовые издержки. Помимо этого, медиация позволяет не предавать огласке подробности и проблемы относительно спора. С точки зрения заинтересованности государства, институт медиации позволяет уменьшить нагрузку на судебную систему, тем самым сделать ее более эффективной [3, с.28].

По оценкам многих специалистов, главным достоинством института медиации является то, что он позволяет не только разрешить возникший спор, но и возобновить нормальное общение между конфликтующими сторонами. Принимая во внимание данное утверждение, можно считать, что процедура медиации имеет определенный успех даже тогда, когда между сторонами не достигнуто консенсуальное соглашение, поскольку они получают опыт эффективного общения.

Определенный успех, возобновление общения между сторонами при содействии профессионального медиатора, имеет при разрешении семейных споров. По исследовательским данным, в 30–40% случаев применения процедуры медиации, пары возвращаются к нормальной семейной жизни, а в 80% – сохраняют нормальные отношения во время и после развода [5, с. 239].

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- медиация – это абсолютно новый способ посредничества, который разработан специально для урегулирования конфликтов;
- важным отличительным признаком медиации считается особая подготовка посредника;
- завершающим этапом проведения медиации, является заключение медиативного соглашения;
- главным достоинством института медиации является то, что он позволяет не только разрешить возникший спор, но и возобновить нормальное общение между конфликтующими сторонами.

1. Загайнова, С.К. Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России / С.К. Загайнова // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко (Сер. «Библиотека медиатора». Кн. 4). – М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. – С. 19.

2. Калашникова, С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 31.

3. Касьяник, Е.Л. Медиация как метод формирования корпоративной культуры / Е.Л. Касьяник // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. / под общ. ред. Е.Л. Касьяник. Вып. 4. В 2 ч. Ч. 1. – Минск: РИПО, 2014. – С. 27–39.
4. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Рюмшина, Н.С. Медиация: старые принципы и новая практика / Н.С. Рюмшина // Калейдоскоп времени: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие: сб. ст. по материалам Междунар. междисциплинарной конференции, Саратов, 25–26 сентября 2015 г. – Саратов, 2016. – С. 239–245.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Тогалева А.С.,

*студент 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. ист. наук, доцент*

Противоречивые процессы глобализации и интеграции с одной стороны, а с другой – эскалация международных военных конфликтов в ряде регионов мира и социально-экономическое неравенство стран разных континентов ведут к возрастанию миграционных потоков в странах Европы и Северной Америки.

Цель исследования – охарактеризовать правовые проблемы и нарушения в сфере обеспечения безопасности детей-беженцев в рамках происходящих миграционных процессов.

Материал и методы. Основным материалом работы послужили Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, статистические данные о миграции, расследования УВКБ в сфере нарушения детей мигрантов в 2019 г. Методами исследования послужили формально-юридический, сравнительно-правовой и метод статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Генсек ООН А. Гутерриш на представлении своего доклада «Реализация целей миграции на благо всех» 2017 г. отмечал, что миграцию можно считать «положительным глобальным явлением», т.к. миграция стимулирует экономический рост, способствует укреплению связей между различными сообществами, помогает преодолевать демографические проблемы. Однако, в то же время миграция является «причиной роста политической напряженности и приводит к человеческим трагедиям» [1].

Внимание к миграционной ситуации со стороны ООН не случайно, т.к., начиная с 2000 г., количество международных мигрантов в мире увеличилось более, чем в 2 раза. По данным Портала глобальных данных о миграции МОМ количество мигрантов в 2019 г. достигло 272 млн., что на 14 млн. человек больше, чем в 2017 г. Около 38 млн. составляют дети [2].

Высокий рост миграции за относительно небольшой промежуток времени активизировал международную законодательную деятельность. 19.09.2016 была одобрена Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, которая направлена на защиту прав человека, спасение жизней мигрантов и «справедливое распределение ответственности в мировом масштабе» [3]. В отношении детей было предусмотрено устранение рисков стать жертвами дискриминации и эксплуатации (п.29); защита их прав и основных свобод (п.32); недопустимость привлекать их к уголовной ответственности в силу своего миграционного статуса или миграционного статуса их родителей (п.56) и др. [4]. Ранее в отношении детей были приняты такие специализированные международные акты, как Декларация прав ребенка 1959 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Всемирная декларация об обеспечении выживаемости, защиты и развития детей 1990 г. и др.

Попыткой создания комплексного специального международного пакта стал Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г., опирающийся на общечеловеческие ценности и международные стандарты, заключенные в предыдущих международных документах. Документ содержит ряд руководящих, более детализированных принципов, в число которых входит учет интересов самой социально уязвимой категории среди мигрантов – детей. В нем особо закреплены правовые возможности по защите их интересов, к осуществлению которых обязуются стремиться страны, проголосовавшие за его принятие. Основные из них: регистрация рождения детей мигрантов (п. 20e); учет детей-мигрантов в национальных системах защиты детей (п. 23e); обеспечение защиты несопровождаемых и разлученных с семьями детей на всех этапах миграционного процесса (п. 23f); возможность получения медицинских услуг, в том числе по охране психического здоровья (п. 23f); право на семейную жизнь и единство семьи (п. 29h); доступ детей к образованию (п. 21g); защита от торговли людьми и от всех форм дискриминации (п. 26); право юридической помощи и право быть заслушанным в ходе судебных и административных разбирательств (п. 23f); назначение компетентных и беспристрастных законных опекунов для детей-мигрантов, оказавшихся без родителей (п. 28d) [5].

Однако, Глобальный договор о миграции не имеет обязательной юридической силы, носит рекомендательный характер (soft law). В связи с этим, большое значение имеет национальная политика государств в сфере урегулирования миграции, которая порой не ведёт отдельной статистики по учёту детей-мигрантов, их дальнейшей судьбы после пересечения границы принимающей страны.